

Независимо от того, о каком времени или пространстве идет речь, бедняков всегда гораздо больше, чем богачей. По сравнению с высокой стоимостью нормальной еды, питательный рацион, пусть и не отличающийся изысканным вкусом, зато дешевый, становится самым разумным выбором. Поэтому заведение, где подрабатывал Сюй Жуй, хоть и было небольшим, пользовалось большой популярностью, и поток людей не иссякал — передохнуть было почти некогда.

В такие моменты Сюй Жуй до боли вспоминал старого робота Фреда. Хотя тот был примитивен, умел лишь наводить чистоту и не отличался особой эффективностью, зато мог работать без перерыва, пока хватало энергии. Он не знал усталости и значительно облегчал труд официанта. К несчастью, три месяца назад робот окончательно сломался, а Фред не собирался ни чинить его, ни покупать нового. Стоимость замены вместе с налогом на приобретение техники была куда выше, чем зарплата такого работника, как Сюй Жуй.

Когда Сюй Жуй закончил смену, было уже полвторого ночи. Сегодня повезло больше обычного — удалось закрыться на полчаса раньше.

— Всего доброго, будьте осторожны по дороге, — Сюй Жуй стоял на ступенях и с почтением провожал хозяина.

Высокий и грузный мужчина с лысиной, отражавшей свет фонарей, кивнул Сюй Жую и зашагал прочь. Он тоже принадлежал к числу тех, кто не мог позволить себе дорогостоящий транспорт вроде аэрокара. Зато он мог позволить себе оружие. Сюй Жуй с весьма неоднозначным выражением лица проводил взглядом массивный, длинный дробовик, висевший у Фреда за спиной.

На самом деле Фред был вовсе не таким жадным и безжалостным кровопийцей, как описывал Иден. Он был немного прижимист, это правда, но лишь из-за своего сурового, нелюдимого нрава и прямолинейности. Он терпеть не мог ленивых и нерадивых сотрудников, но к Сюй Жую, который поначалу был неуклюж, но очень старателен, относился неплохо. Иначе он не оставил бы его работать после всех тех ошибок, что тот совершал в первые дни. Поэтому Сюй Жуй не только уважал Фреда, но и был ему благодарен: пусть тот редко бывал приветлив, если бы не его работа, жизнь Сюй Жую была бы куда тяжелее.

Конечно, Сюй Жуй был плохим официантом. В прошлой жизни он происходил из семьи потомственных врачей традиционной китайской медицины. Семья была обеспеченной, и хотя дед злился и топал ногами, когда Сюй Жуй решил изучать западную медицину из-за упадка интереса к традиционной, он все равно стал блестящим хирургом. Работа официанта была для него чем-то совершенно чуждым. Но теперь он попал сюда, в тело Альберта Никола, обычного простолюдина. Не имея лицензии, он не мог лечить людей, поэтому приходилось зарабатывать на жизнь тем, что не требовало никаких навыков.

Если проследить родословную семьи Сюй, то, поговаривали, их предком был знаменитый Сюй Шу. Впрочем, проверить это было уже невозможно, а официальные записи начинались лишь с эпохи династии Тан. Но независимо от того, началась ли история семьи в эпоху Троецарствия или при Тан, их наследие, сохранившееся до наших дней, было внушительным. Хорошее

воспитание, строгое следование древним традициям — в такой среде просто не могли вырасти бездельники. Сюй Жуй с детства приучился быть прилежным и трудолюбивым. Даже подносы он носил с полной ответственностью, следуя словам деда: небеса движутся неустанно, и благородный муж должен стремиться к самосовершенствованию.

Это означало, что, подобно вечному движению небес, человек должен неустанно работать над собой, быть стойким и решительным. Врачевание — это путь, жизнь — это путь, и даже ношение подносов — это тоже путь. Сюй Жуй никогда не забывал семейные заветы, именно поэтому он смог не сломаться в период растерянности после перерождения.

Проводив хозяина, Сюй Жуй закончил уборку и запер дверь. Было уже полтретьего ночи.

Он перевел дух и инстинктивно начал выполнять упражнения из семейного комплекса Игры пяти зверей, имитируя движения обезьяны. Только когда тело перестало быть скованным и обрело гибкость, он запер дверь окончательно и вошел в темный переулок, примыкавший к ресторану.

Сюй Жуй жил в пяти-шести километрах отсюда. Во-первых, рейсовые аэробусы сюда не ходили, а во-вторых, для Сюй Жуя это было дороговато. Пешие прогулки домой стали неплохим выбором, к тому же это была хорошая тренировка, в чем он не видел ничего плохого.

Однако стоило ему пройти несколько шагов, как он услышал сзади шорох — словно кто-то крался следом.

Сюй Жуй замер. Сердце пропустило удар, а затем забило в бешеном ритме. Даже в мирные времена прошлой жизни случались нападения, что уж говорить об этой беспокойной эпохе. Риск для жизни здесь был в тысячи раз выше. Он тут же горько пожалел, что не взял с собой никакого оружия, хотя бы кухонный нож для самообороны.

Внутри все сжалось от страха, но внешне он не выказал слабости. Сюй Жуй резко выдохнул, развернулся и негромко окликнул:

— Кто здесь? Выходи!

Шорох стих. Через мгновение он возобновился, и из-за мусорного бака показалась грязная, пушистая мордочка, которая робко смотрела на Сюй Жуя.

Увидев, кто это, Сюй Жуй с облегчением выдохнул и улыбнулся:

— Это ты.

Маленьким существом за баком оказался щенок, скорее всего, потомок какой-то бродячей собаки, примерно месяца от роду. Сюй Жуй уже не раз видел его: худой, желтовато-бурого цвета, с черной мордочкой, начинавшейся от кончика носа и переходившей на большую часть

головы — вылитый маленький Бао Чжэн на четырех лапах. Узнать его было легко.

Неизвестно, откуда он взялся, но последнее время часто крутился возле ресторана, пытаясь найти хоть какие-то объедки. Однако в этом мире еда была в дефиците, остатков почти не было, поэтому выживать малышу было крайне трудно.

Сюй Жуй, пожалев щенка при первой же встрече, начал подкармливать его своим питательным рационом. С тех пор тот привязался к нему и постоянно появлялся поблизости. Видимо, сегодня щенок следовал за ним уже довольно долго.

Глядя на эту жалкую мордочку и влажные, круглые глаза, Сюй Жуй не смог остаться равнодушным. Посмотрев на свою порцию рациона, которой и так было немного, он вздохнул, присел на корточки и поманил щенка:

— Эй, малыш, иди сюда, иди ко мне.

Щенок смотрел на него с опаской и сначала долго колебался, но мягкая, вселяющая доверие аура Сюй Жуя успокоила его. В конце концов, голод взял верх, и он, пошатываясь, медленно побежал к нему.

Сюй Жуй выдавил порцию рациона на землю, но щенок не стал сразу жадно набрасываться на еду. Сначала он принялся ластиться к Сюй Жую: вилял задом, как погребушкой, крутил хвостом, словно пропеллером, и теплым влажным языком облизал ладонь Сюй Жуя, выражая свою благодарность, и лишь потом принялся за еду.

Какое послушное и чуткое создание! Сюй Жуй проникся к нему еще большей жалостью. Он присел рядом, наблюдая, как щенок ест, и осторожно поглаживал его пальцем по голове.

Честно говоря, питательный рацион был очень невкусным. Это была какая-то странная субстанция — не то паста, не то гель. По консистенции она напоминала клейкую кукурузную кашу, но без натурального аромата, с добавлением искусственных вкусовых добавок, смешанных механическим путем. Для человека, выросшего на изысках китайской кухни, это было сущее мучение.

Когда Сюй Жуй узнал, из чего его делают, оно стало вызывать у него еще большее отвращение. Проще говоря, нормальный человек не станет есть тараканов или мух, но нельзя отрицать, что они богаты белком. Именно на этом принципе строилось производство рациона: насекомых, корни растений, стебли, листья, кожуру — всё, что не усваивалось человеком напрямую, но содержало энергию, — отправляли в переработку, чтобы извлечь хоть что-то полезное.

Говорят, раньше было еще хуже, на вид рацион напоминал экскременты. Позже добавили искусственный крахмал и ароматизаторы, и после долгих доработок он стал таким, как сейчас — кое-как съедобным.

К счастью, это был продукт высоких технологий: в нем хватало калорий, витаминов и микроэлементов. А главное — цена была доступной, примерно как у лапши быстрого приготовления в его прежнем мире. Беднякам не до выбора: есть что пожевать, чтобы выжить — уже хорошо.

Сюй Жуй мысленно ворчал на вкус еды, наблюдая за щенком, и заметил, что тот прихрамывает. Он поднял его заднюю лапку и увидел ножевое ранение. Вероятно, какой-то безумец хотел содрать с него шкуру, но малыш, движимый жаждой жизни, сбежал, получив рану, из-за которой теперь так неуклюже бегал.

Мерзость! Как можно поднять руку на такое беззащитное существо! Сюй Жуя охватил гнев, сменившийся еще большей жалостью.

Малышу всего месяц, он только перестал питаться молоком, а уже получил такую рану. Как он выживет?

Сюй Жуй погладил его по голове, которая была меньше половины его ладони, и она показалась ему такой хрупкой и слабой. Почувствовав ласку, щенок перестал есть, доверчиво ткнулся носом в палец Сюй Жуя, облизал его и продолжил трапезу.

От этого тепла и щемотки на сердце Сюй Жуя стало беспокойно. Он уже не мог воспринимать его как просто бродячую собаку. Сюй Жуй невольно погладил его чуть сильнее и тихо, нежно прошептал:

— Эй, малыш, хочешь пойти со мной? У меня очень бедно, и, возможно, я не смогу дать тебе лучшей жизни или теплого дома, но у меня хотя бы есть крыша над головой, где ты будешь в безопасности, сыт и никто тебя не обидит.

Помолчав и представив, как изменится его жизнь с появлением этого крохи, Сюй Жуй улыбнулся:

— Может быть, когда ты появишься, это место наконец станет домом.

Щенок смотрел на него своими круглыми глазами, не понимая человеческой речи, но словно чувствуя доброту и нежность в его голосе. Он изо всех сил лизал палец Сюй Жуя, прижимаясь к нему всем своим тельцем.

Он узнал этого человека. Он был совсем не похож на тех, кого щенок встречал раньше. От него исходил запах, который ему нравился, рядом с ним было безопасно и тепло. Именно поэтому он смог преодолеть свой страх перед людьми и тихо следовал за ним всю дорогу.